Изданіе „Народное право“.

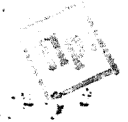
Серія „ЗАДАЧИ МОМЕНТА“
№ 4.

Прив. доц. И. А. Ильинъ.

# ДЕМАГОГІЯ и ПРОВОКАЦІЯ.

ЦѢНА 15 коп.

МОСКВА
1917.



„Пров 38

Пр

НХ
К30

ТИПОГРАФІЯ
ПЕРЕПЛЕТНАЯ
СТЕРЕОТИПНАЯ

Г. ЛАМБЕРТЪ :: МОСКВА

Тел. 1-04-12

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1766
26

## Демагогія и провокація.

1. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народныя массы не обладаютъ ни достаточнымъ политическимъ развитіемъ, ни достаточной политической организованностью, народное правленіе приводитъ съ собой цѣлый рядъ дурныхъ, болѣзненныхъ явленій, которыя можно обозначить такъ: политическая нечестность пользуется темнотою народа. Если эти явленія получаютъ распространеніе, или, даже, господство, то народное правленіе оказывается неспособнымъ руководить жизнью государства: оно быстро вырождается и, подорвавъ вѣру въ свободу и демократію, уступаетъ мѣсто старому строю и старому гнету.

2. Введеніе народнаго правленія сразу рѣзко измѣняетъ самое строеніе государства.

Безъ полномочія на власть («публичнаго полномочія») вообще нельзя властвовать отъ лица государства,—ни при какомъ строѣ. Но по введеніи народнаго правленія источникомъ такого полномочія оказывается самъ народъ, передающій его посредствомъ избранія: властвовать отъ лица государства можетъ только тотъ, кто заручился на выборахъ довѣріемъ и одобреніемъ народа. Въ этомъ основная сущность демократіи: правленіе исходитъ отъ самого народа, который долженъ избирать наилучшихъ и честнѣйшихъ гражданъ и передавать имъ на срокъ веденіе государственныхъ дѣлъ, за ихъ личной отвѣтственностью и за отвѣтственностью ихъ партій. При этомъ граждане, уполномоченные народомъ къ власти, должны вести

себя, какъ ответственные слуги государства. Служеніе ихъ состоитъ въ томъ, что они посредствомъ законовъ, указовъ и распоряженій устраиваютъ государственную жизнь, руководясь своею политическою программою; въ политической же программѣ, которою они себя связываютъ,— изложено ихъ пониманіе государственнаго, т.-е. всенароднаго блага. Голосуя на выборахъ за какую-нибудь партію, народъ выражаетъ ей свое довѣріе и одобряетъ ея программу, а партія оказывается связанной обѣщаніями и обязательствами своей программы; и такъ, довѣряя и одобряя, народъ передаетъ ей полномочіе служить государству, властвуя отъ его лица и исполняя свои политическія обязательства.

3. Въ этомъ порядкѣ есть глубокая правильность. Нельзя рѣшать за взрослыхъ и сознательныхъ гражданъ, въ чемъ ихъ благо и надѣлять ихъ этимъ благомъ принудительно: это значитъ разсматривать ихъ, какъ малолѣтнихъ. Нельзя управлять народомъ, вопреки его волѣ: это значитъ дѣлать людей рабами. Нельзя заставлять людей жить такъ, какъ они этого не хотятъ: это значитъ ставить ихъ въ положеніе животныхъ.

Но этотъ порядокъ имѣетъ свои затрудненія и опасности. Далеко не всякій, не всегда и не во всѣхъ отношеніяхъ—знаетъ и понимаетъ, въ чемъ состоитъ его собственное благо, въ чемъ интересъ его класса и въ чемъ благо всего народа и государства. Народъ часто бредетъ въ политикѣ ощупью, недостаточно понимая свою задачу и не зная, кому вѣрить и за что стоять. И поэтому въ его средѣ легко распространяется увѣренность, что въ политикѣ надо и можно стоять только за себя, да развѣ еще за свой классъ; что политическая жизнь есть простое состязаніе частныхъ и классовыхъ интересовъ; и что средняя линія государственнаго дѣла слагается сама въ этой борьбѣ неограниченныхъ притязаній; что надо всегда «требовать» какъ

можно больше и что всякая ссылка на государственный интересъ есть простое лицемѣріе.

Неспособность подняться до правильнаго пониманія политической жизни заставляетъ темнаго, несознательнаго человѣка вѣрить только тому, кто отстаиваетъ его личный и его классовый интересъ безъ всякихъ ограниченій и голосовать за ту партію, которая «обѣщаетъ» ему больше другихъ. Несознательность мѣшаетъ ему понять, что исключительное торжество какого нибудь одного класса можетъ идти только въ ущербъ другимъ классамъ, и что оно неизбѣжно должно вызвать съ ихъ стороны, рано или поздно, такой озлобленный отпоръ, который сведетъ къ нулю все добытое. Точно также неосвѣдомленность мѣшаетъ ему разсмотрѣть, возможно ли, осуществимо ли то, чего онъ требуетъ и что ему обѣщаетъ его партія.

Въ результатѣ всего этого народная темнота ведетъ къ тому, что народу не удастся выйти на вѣрный путь государственной политики, а узко-классовая борьба, лишенная государственнаго пониманія, отдаетъ его во власть демагоговъ.

5. Политическая партія, стоящая на высотѣ, не ищетъ и не можетъ искать власти во что бы то ни стало.

Она составляетъ свою программу на основаніи того, какъ она дѣйствительно понимаетъ государственный, т. е. всенародный интересъ. Она отправляется отъ того, что благо государства включаетъ въ себя каждый справедливый общественный интересъ каждаго гражданина и каждаго класса, и что, обратно, каждый интересъ государства есть тѣмъ самымъ кровный интересъ каждаго класса и каждаго гражданина. Нѣтъ и не можетъ быть такого справедливаго классоваго интереса, который не былъ бы въ то же самое время интересомъ всего государства въ цѣломъ; но за то и интересъ каждаго класса неизбѣжно

ограничивается интересомъ государства и справедливыми интересами другихъ классовъ. Поэтому ни одна сознательная и честная политическая партія не можетъ включать въ свою программу требованій, отстаивающихъ несправедливый или противогосударственный интересъ какого нибудь класса; ни одна сознательная и честная политическая партія не можетъ отстаивать такой классовый интересъ, который совершенно исключаетъ существованіе гражданъ другого класса, какъ бы стирая ихъ съ лица земли; и, наконецъ, ни одна сознательная и честная политическая партія не можетъ и не должна строить свою программу на требованіяхъ народа, которыя она признаетъ неподлежащими, по справедливости, удовлетворенію. Всякія отступленія отъ этого правила, всякія допущенія партійныхъ «подачекъ» народу, «приманокъ», «соблазновъ», «зазывающихъ обѣщаній» и «посуловъ»—вносятъ въ политическую жизнь разложеніе; они низводятъ политику на уровень недостойнаго торгашества, разжигаютъ корысть и строютъ государственную жизнь на явной лжи и тайномъ подкупѣ. Такія партіи лишаютъ уваженія и себя, и все государственное дѣло. Нельзя взывать къ корыстной слѣпотѣ народа: иначе въ жизни водворяется политическая порочность. Но именно такъ поступаютъ демагоги.

6. Демагогъ—есть политическій дѣятель, который старается во что бы то ни стало привлечь къ себѣ довѣріе и одобреніе народа и, особенно, избирателей.

Подобно тому, какъ при старомъ строѣ честолюбцы и властолюбцы, искавшіе власти во что бы то ни стало,—толпились вокругъ трона, стараясь попасться на глаза, угодить, выслужиться и получить полномочіе на власть; подобно этому при новомъ строѣ всѣ, ищущіе власти во что бы то ни стало, идутъ къ народу съ тѣмъ, чтобы угодить ему, выслужиться передъ нимъ на словахъ и заручиться его голосами на выборахъ. Такіе люди преслѣдуютъ

въ политикѣ не всенародный интересъ и не государственныя цѣли; они имѣютъ въ виду частный интересъ своей политической партіи и своего класса, а въ худшемъ случаѣ— частный интересъ своей личной карьеры. Политическое воспитаніе народа, научающее людей быть гражданами, т. е. по доброй волѣ сливать свои интересы съ интересомъ государства и переживать свою политическую свободу, какъ рядъ отвѣтственныхъ обязанностей, ничего не говоритъ ихъ уму и сердцу. Они строютъ олаго свое и своей партіи не на зрѣлости народа, а на его незрѣлости, и обращаются къ народу не съ тѣмъ, чтобы воспитать его къ государственной жизни, а съ тѣмъ, чтобы упрочить въ немъ неспособность къ ней.

7. Политическое воспитаніе народа состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы научить народъ самостоятельно думать о государственной жизни, понимать ея задачи и самостоятельно дѣйствовать во имя ея цѣлей.

Именно эта самостоятельность въ мысли и дѣйствованіи неизбѣжно положитъ конецъ демагогіи. Понятно, что демагогъ совсѣмъ не имѣетъ интереса спѣшить навстрѣчу своему концу и поэтому относится враждебно къ политической самодѣятельности народа. Онъ не просвѣщаетъ тѣхъ, къ кому говоритъ, а запутываетъ, отводитъ глаза, и наводитъ на ложный слѣдъ. Онъ обращается не къ разуму народа и не къ доброй волѣ его, а къ темному чувству и корыстной страсти. Лишенный чувства отвѣтственности, онъ не выясняетъ истинное положеніе дѣлъ и не объясняетъ его, а искажаетъ такъ, какъ это ему нужно. Онъ не доказываетъ, а прельщаетъ или пугаетъ; онъ старается разбудить въ душахъ чувство подозрѣнія, обострить недовѣріе, вызвать непримиримую жадность и ненависть. Онъ все время работаетъ надъ тѣмъ, чтобы ослѣпить взоръ и заглушить разумъ, и въ этой темнотѣ выковываетъ свой успѣхъ.

8. Демагогъ ищетъ слѣпого довѣрія къ себѣ; только оно удовлетворяетъ его, ибо зрячій умъ быстро разгля-

дитъ его настоящую цѣль, быстро пойметъ, что за неистовыми словами скрывается не государственный интересъ, а частный.

Добиваясь слѣпого довѣрія, демагогъ стремится освободить себя отъ возможной провѣрки его словъ и необходимаго контроля за его дѣлами. Для этого между прочимъ онъ стремится поселить недовѣріе въ народѣ ко всѣмъ остальнымъ дѣятелямъ и партіямъ. Онъ ищетъ всегда изобразить своего противника, какъ «обманщика» и «предателя», или, по крайней мѣрѣ, какъ «контръ-революціонера», изобразить его, какъ хитраго лжеца и лишить его всякаго довѣрія; критика его постоянно похожа на инсинуацію (т. е. недостойное и невѣрное обвиненіе), возраженія его постоянно компрометируютъ (т. е. лишаютъ добраго имени). Добиваясь слѣпого довѣрія къ себѣ, онъ истребляетъ довѣріе къ другимъ; а самъ не довѣряетъ никому—ни другимъ партіямъ, ни самому народу.

Поэтому демагогъ вноситъ въ политическую жизнь духъ вражды, злобы и разъединенія, подрывающій ту необходимую волю къ единенію, безъ котораго народъ не можетъ создавать и имѣть единую и общую государственную власть,—т. е. не можетъ оставаться единымъ государственнымъ союзомъ.

9. Демагогъ ведетъ себя передъ народомъ какъ угодливый льстецъ, а въ отсутствіи народа—какъ повелитель и деспотъ. Обращаясь къ народу онъ ставитъ его выше себя, преклоняется передъ нимъ, заискиваетъ, а подчасъ бываетъ готовъ и на публичное униженіе. Но именно тотъ, кто въ глаза унижается передъ народомъ, тотъ за глаза относится къ нему съ пренебреженіемъ. Въ этомъ демагогъ подобенъ льстивому царедворцу, который часто тѣмъ болѣе презираетъ своего владыку, чѣмъ раболѣпнѣе склоняется передъ нимъ, угождая.

Демагогъ старается говорить народу то самое, чего народу хочется; но только для того, чтобы преклонить народное мнѣніе на свою сторону и навязать ему свое желаніе. Слѣпое довѣріе необходимо ему для того, чтобы потомъ, заручившись имъ, говорить отъ себя за народъ, вмѣсто народа. Демагогъ ищетъ деспотической власти, но дѣлаетъ видъ, будто ищетъ народную волю и творитъ только ее. Бросая народу подачки, онъ стремится самовластно вести его за собою такъ, какъ опытный сторожъ ведетъ за собою въ клѣтку убѣжавшаго носорога: бросивъ ему въ ротъ желанную жвачку, но не давая проглотить, онъ подергиваетъ за нее и побуждаетъ тѣмъ идти за собою.

10. Но, если демагогъ не ищетъ подлиннаго выясненія народной воли, то онъ не является демократомъ: ибо демократъ стремится, прежде всего, выяснить дѣйствительную и сознательную политическую волю народа, съ тѣмъ, чтобы подчинить ей пути государственной власти.

Демогогъ есть менѣе всего демократъ: онъ—деспотъ, преслѣдующій свой партійный или личный интересъ. Онъ—деспотъ, который стремится господствовать не силой окрика или оружія, а силою лести, корысти и темноты. Онъ не ищетъ народной власти, а стремится выдать свою волю за волю народа. Онъ ищетъ власти, а не народовластія. Онъ хочетъ властно вести народъ за собою, а не быть несомымъ народною силою. Ему важно, не что народъ идетъ, а что онъ ведетъ за собою толпу. Ему важно получить голоса, но ему не важно, чтобы эти голоса были поданы сознательно и согласно съ интересами государства. Онъ яростно изобличаетъ другихъ въ томъ, что они не считаются съ «желаніями многомилліоннаго народа»; а самъ стремится—не взять свои лозунги у сознательнаго народа, но навязать свой лозунгъ безсознательнымъ массамъ.

Демогогъ не вѣритъ въ народъ, въ его природный разумъ, въ его способность понимать и имѣть свою собствен-

ную волю. Онъ боится этого пониманія и этой самостоятельной воли; онъ боится народа и его подлиннаго голоса и не вѣритъ ему. Въ сущности говоря, народъ всегда остается въ его глазахъ—толпою, или, даже, чернью.

Поэтому демагогъ есть худшая разновидность деспота: онъ—пресмыкающійся властолюбецъ.

11. Демагоги, завладѣвая вниманіемъ и довѣріемъ народа, ведутъ политическія дѣла такъ, что народная организація оказывается мнимою и существуетъ только по внѣшней видимости.

Они не имѣютъ за собою никакой дѣйствительной силы и не умѣютъ ее организовать. Поэтому они не знаютъ, что такое настоящій учетъ силъ: имъ некого и нечего подсчитывать, потому что они остаются всегда минутными вожаками толпы и теряютъ связь съ народомъ тотчасъ же послѣ того, какъ пройдетъ минута шумнаго выступленія. Проходитъ моментъ, волна движенія стихаетъ, вожаки уходятъ къ власти, или исчезаютъ, а распыленная и безсознательная масса народа остается съ преувеличенными надеждами и требованіями, и въ состояніи остраго разочарованія. Между тѣмъ, настоящая политическая организація, если она дѣйствительно возникла, существуетъ не только во время общественнаго подъема, но и во время упадка движенія. Политическіе дѣятели и борцы, разъ устроивъ политическую партію—не теряютъ связи другъ съ другомъ и въ то время, когда политическая жизнь, повидимому, входитъ въ свое обычное русло и какъ будто затихаетъ: они по прежнему помнятъ свою общую цѣль, сохраняютъ свой союзъ и поддерживаютъ другъ въ другѣ бодрость, вѣру въ дѣло и желаніе бороться дальше. Политическая партія, хорошо организованная, не идетъ за демагогами и не раздѣляетъ ихъ судьбу.

12. Понятно, что такое состояніе безсознательности и распыленія, такая ослѣпленность страстью и узкоклассовымъ интересомъ,—оказывается въ высшей степени подходящимъ для враговъ народа.

Наемные слуги старой власти умѣютъ ловко пользоваться этимъ состояніемъ и сами принимаютъ на себя обличіе демагоговъ.

Пользуясь тѣмъ, что массы народа не знаютъ своихъ вожаковъ и что вожаки приходятъ къ народу извнѣ, агенты стараго порядка проникаютъ въ революціонныя партіи, или даже сами устраиваютъ подобіе особыхъ партій,—то крайнихъ лѣвыхъ, то крайнихъ правыхъ. Они легко и быстро усваиваютъ манеры и рѣчи демагоговъ, а страстность движенія и безсознательность народа помогаетъ имъ укрываться за личиною вожаковъ. Они вкрадываются въ довѣріе и ловкими маневрами ищутъ погубить все дѣло.

Задача этихъ агентовъ, называемыхъ «провокаторами», состоитъ не только въ томъ, что бы узнать имена и замыслы революціонныхъ вождей и положить конецъ ихъ дѣятельности доносомъ и арестомъ, но нерѣдко и въ томъ, чтобы усилить среди нихъ демагогію, овладѣть движеніемъ изнутри и направить его къ гибели. Задача ихъ въ томъ, чтобы окончательно запутать сознаніе народа, разжечь въ немъ страсти, ослѣпить его разумъ и, въ то же время, сосредоточить на себѣ его довѣріе, а въ своихъ рукахъ руководство движеніемъ. Достигнувъ этого, они вызываютъ въ партіи и въ народѣ склонность къ нелѣпымъ и вреднымъ начинаніямъ: напримѣръ—открыть вооруженную борьбу тогда, когда у народа нѣтъ оружія, а войска поддерживаютъ старую власть; или начать дикій и безсмысленный погромъ лавокъ и домовъ, съ тѣмъ чтобы возстановить все остальное населеніе противъ погромщиковъ и лишить сторонниковъ революціоннаго безпорядка всякаго сочувствія; пока старое правительство на мѣстѣ, они стараются отвлечь отъ него гнѣвъ народа и устроить ему «революціон-

ный громоотводъ», сливая вину на евреевъ, на армянъ, на масоновъ, на студентовъ, на профессоровъ или на кого угодно; а какъ только старое правительство оказывается низложеннымъ, они подговариваютъ народъ идти противъ временнаго правительства, выдумывая о немъ разныя небылицы и всячески стараясь обострить безпорядки и вызвать въ деревняхъ погромы и поджоги. Имъ необходимо какъ можно скорѣе растратить и утомить революціонную волю, напугать всѣхъ безпорядкомъ и безначаліемъ, и заставить желать порядка во что бы то ни стало, хотя бы цѣною свободы и обновленія.

13. Ихъ называютъ «провокаторами» потому, что они стремятся вызвать (провоцировать) народъ на такіе поступки, которые выгодны имъ, но пагубны для народнаго дѣла. Когда имъ надо, они вызываютъ панику, а когда надо,—ярость. Они подражаютъ ловкому карманнику, который кричитъ въ театрѣ «пожаръ!» и во время общей сутолоки вытаскиваетъ кошельки и бумажники. Или они подражаютъ той овцѣ, которая бросается бѣжать черезъ рельсы, сама перебѣгаетъ и спасается, но увлекаетъ все остальное стадо подъ поѣздъ. Они знаютъ, что гнѣвъ народа непобѣдимъ, если онъ накопляется медленно, если онъ зрѣетъ въ страданіяхъ и размышленіяхъ, и организуется; именно поэтому они стремятся то отвести его на другое, то разрядить его раньше времени, то не дать ему сорганизоваться: разряженный пистолетъ не опасенъ и они стараются заставить разрядить его въ воздухъ. Они выбираютъ то вредный моментъ, то вредный способъ дѣйствій, то вредное направленіе. Они овладѣваютъ рулемъ только для того, что бы посадить корабль на мель или бросить его на скалу. Для нихъ хороши всѣ средства, когда надо добиться успѣха: провокаторъ можетъ притвориться революціонеромъ для того, чтобы потомъ проворовываться и подорвать довѣріе къ партіи; но онъ можетъ притвориться и монархистомъ, который кричитъ и проливаетъ слезы при видѣ царя.

Провокаторъ есть человѣкъ, который, служа за деньги старому порядку, стремится погубить народное движеніе посредствомъ политическаго притворства, лжи и предательства,—посредствомъ коварнаго подталкиванія людей на вредные и глупые поступки. Понятно, что народная темнота и неорганизованность открываютъ ему настежъ двери; понятно также, почему поведеніе демагоговъ особенно благопріятствуетъ его пагубнымъ начинаніямъ.

14. Провокація можетъ имѣть успѣхъ только тамъ, гдѣ народъ политически безсознателенъ и неорганизованъ, гдѣ умъ его ослѣпленъ страстью и не можетъ трезво разбираться въ событіяхъ жизни. Но именно такое состояніе поддерживаетъ въ народѣ демагогія. Поэтому демагоги, иногда сами того не зная, готовятъ почву для провокаторовъ: они создаютъ въ политикѣ ту «мутную воду», которая необходима агентамъ стараго порядка. Недостаточная политическая честность создаетъ тѣ условія, въ которыхъ потомъ дѣлаетъ свое дѣло политическая подлость и политическое предательство.

Такъ, если партійный вождь способенъ утверждать неправду, а народъ способенъ ему вѣрить,—то для злостной лжи провокатора въ душахъ приготовлено помѣщеніе. Если партійный вожакъ не умѣетъ учитывать и беречь силы, и народъ не привыкъ къ обдуманности въ рѣшеніяхъ,—то провокатору ничего не стоитъ толкнуть движеніе въ сторону нелѣпаго и вредоноснаго взрыва. Если партійный вождь недостаточно извѣстенъ народу и пристегивается къ движенію извнѣ или въ послѣдній моментъ,—то провокатору легко пристегнуться рядомъ съ нимъ. Если народъ неорганизованъ,—то онъ представляетъ изъ себя пеструю толпу со случайнымъ составомъ, а толпа всегда имѣетъ неустойчивое настроеніе и, подобно ребенку, отдается первому острому впечатлѣнію и порыву. И такъ же во всемъ остальномъ.

Вредно и пагубно жить въ политикѣ однимъ чувствомъ; еще вреднѣе и пагубнѣе пріучать къ этому народъ. Политическое просвѣщеніе («пропаганда») должно всегда и непремѣнно подготовлять всякое политическое дѣйствіе; призывъ дѣйствовать «(агитація») только тогда не есть призывъ губить дѣло, когда призывающій объясняетъ, а призываемый понимаетъ,—что нужно дѣлать и для чего именно. Политическая борьба имѣетъ смыслъ только тогда, если ею руководитъ воспитанная воля и просвѣщенный разумъ, т.-е. воля, умѣющая владѣть страстью, и разумъ, понимающій цѣль политической борьбы и ея средства.

Тотъ, кто хочетъ участвовать въ политической жизни, долженъ прежде всего отчетливо понять: что такое государство? каковы его цѣли? въ чемъ задачи политической борьбы? что такое право? что значитъ быть гражданиномъ? что такое политическая свобода? что такое политическая партія? что такое партійная программа? и какими путями можно и нельзя идти въ политикѣ?

Тогда онъ пойметъ всѣ опасности, къ которымъ ведетъ господство чувства и страсти въ политикѣ: онъ пойметъ, что демагогъ взываетъ къ одному чувству, а провокаторъ разжигаетъ необузданную страсть.

15. Теперь уже не трудно понять, почему именно крайнія партіи особенно подвержены ошибкамъ демагоговъ и участію провокаторовъ.

Это объясняется тѣмъ, что въ крайнія партіи входятъ люди особенно остро неудовлетворенные существующимъ строемъ: крайніе правые хотятъ рѣзко измѣнить его въ пользу деспотизма, богатыхъ классовъ и несправедливости; крайніе лѣвые хотятъ рѣзко измѣнить его въ сторону народнаго правленія, въ пользу неимущихъ классовъ и справедливости. Между тѣми и другими есть глубокое различіе— и

политическое, и общественное, и нравственное. И, несмотря на всѣ эти различія, они похожи другъ на друга въ томъ, что руководятся въ политикѣ прежде всего страстнымъ чувствомъ. Страсть всюду остается страстью: дурная страсть крайнихъ правыхъ, отстаивающихъ свой несправедливый классовый интересъ, настолько же можетъ отнять руководство у воли и разума, насколько и благородная страсть крайнихъ лѣвыхъ, отстаивающихъ справедливый классовый интересъ. Эта классовая и политическая страсть ослѣпляетъ взглядъ вождя и туманитъ пониманіе народа.

Злая корысть, направляя поведеніе крайнихъ правыхъ («союзъ русскаго народа») лишаетъ ихъ всякаго нравственнаго и политическаго смысла; она ведетъ ихъ по пути погромовъ, доносовъ и беззастѣнчивой лжи и ставитъ ихъ на одну доску съ провокаторами. Это люди совершенно лишены правосознанія и чувства отвѣтственности.

Справедливо, но узко и односторонне понятый классовый интересъ, направляя крайнихъ лѣвыхъ (соціалъ-демократы «большевики», максималисты, анархисты), лишаетъ ихъ трезваго и вѣрнаго пониманія того, что теперь на самомъ дѣлѣ происходитъ и что при существующихъ условіяхъ возможно и осуществимо; это заставляетъ ихъ тяготѣть къ длительнымъ революціоннымъ безпорядкамъ, къ захватной борьбѣ и разжиганію классовой ненависти. Они не видятъ того, что такой способъ борьбы растрачиваетъ революціонную волю народа на мимолетныя завоеванія и отвлекаетъ силы отъ организаціи. И когда они допускаютъ демагогическіе пріемы въ обращеніи къ народу, то они обнаруживаютъ, что у нихъ въ душѣ живетъ нездоровое, изуродованное правосознаніе,—печальное наслѣдіе стараго строя.

16. Не слѣдуетъ думать, однако, что демагогія уживается только въ крайнихъ партіяхъ, и что провокація есть пріемъ

борьбы, свойственный только переодѣтымъ агентамъ стараго строя.

Демагогическіе пріемы могутъ пускаться въ ходъ людьми самыхъ различныхъ партій и воззрѣній; но всюду и всегда эти пріемы остаются порочными. Каждый разъ, какъ партія, для привлеченія голосовъ на выборахъ, включаетъ въ свою программу пунктъ, отстаивающій, въ видѣ «подачки», интересъ, который она не признаетъ справедливымъ и которому она не сочувствуетъ,—она оказывается повинною въ частичной демагогіи. Каждый разъ, какъ ораторъ, обращаясь къ народу, доказываетъ свое мнѣніе не по существу, не отъ предмета, а стараясь привлечь на свою сторону корысть, или честолюбіе, или слѣпую страсть, или дурную склонность своихъ слушателей,—онъ бываетъ повиненъ въ демагогіи: онъ низводитъ политику и самъ опускается до уровня тѣхъ людей, которые ищутъ не политической правды, а политической заразы. Всякій, кто думаетъ, что истина мѣняется, въ зависимости отъ человѣческаго мнѣнія; что о любомъ предметѣ можно говорить и за, и противъ, сразу имѣя два «убѣжденія»; что истина это то, въ чемъ я сумѣю «убѣдить» другихъ и т. д.; всякій, кто говоритъ къ народу не по совѣсти и не отъ совѣсти, не будучи самъ твердо убѣжденъ въ томъ, что отстаиваетъ,—всякій въ большей или меньшей степени окажется, самъ того не замѣчая, повиннымъ въ демагогіи: онъ начнетъ неизбѣжно приспособлять истину и свое убѣжденіе къ мнѣнію слушателей, заставляя свою совѣсть и свою рѣчь пресмыкаться передъ мнѣніемъ толпы. Къ демагогическимъ пріемамъ можетъ обращаться и дурное правительство съ тѣмъ, чтобы прикрыть свою корысть волею народа.

Демагогія есть ядъ, который незамѣтно проникаетъ въ людскія души, и только мысль да честное повино-

вніе совѣсти въ дѣлахъ политики могутъ служить здѣсь противоядіемъ.

17. Тяготѣніе къ демагогіи вспыхиваетъ въ политической жизни особенно тогда, когда въ связи съ народнымъ движеніемъ выдвигаются идеи демократіи. При недостаточной политической зрѣлости народа это тяготѣніе обнаруживается въ самыхъ различныхъ общественныхъ организаціяхъ.

Всегда и всюду есть высшіе и низшіе. Болѣе опытные, болѣе образованные, руководители дѣла, начальники—всегда стоятъ и всегда будутъ стоять выше менѣе опытныхъ, менѣе образованныхъ, сотрудниковъ, помощниковъ и подчиненныхъ. Никакое политическое равенство не устраняетъ этого и не устранитъ. Политическое равенство состоитъ въ томъ, что каждый человѣкъ, безъ исключенія, признается гражданиномъ, имѣетъ одинъ голосъ на выборахъ и можетъ получить доступъ (въ зависимости отъ ума, таланта, знанія, честности и опыта) ко всякому званію и должности. Но такое равенство совсѣмъ не означаетъ, что каждый гражданинъ способенъ занять всякое мѣсто и всякую должность по своему усмотрѣнію; такое равенство совсѣмъ не означаетъ, что каждый гражданинъ можетъ дѣлать все, что захочетъ; что всякій ко всему уполномоченъ; или что никто никому не обязанъ подчиняться; или что необразованный человѣкъ способенъ дѣлать то же самое, что дѣлаетъ образованный и т. д. Учитель всегда останется выше ученика, директоръ—выше подчиненнаго, врачъ—выше фельдшера и сидѣлки, офицеръ—выше солдата, мастеръ—выше рабочаго, министръ—выше простыхъ чиновниковъ. Они будутъ всегда равны, какъ граждане, но въ своемъ дѣлѣ—они будутъ всегда не равны.

И вотъ, дурное, ложное пониманіе демократіи приводитъ къ тому, что люди перестаютъ съ этимъ считаться

и воображаютъ, что каждый равенъ каждому во всѣхъ отношеніяхъ. Они не понимаютъ, что большее полномочіе возлагаетъ на человѣка большую обязанность и большую отвѣтственность и что не всякій человѣкъ способенъ взять на себя эту большую отвѣтственность и большую обязанность; они не понимаютъ, что тотъ, кто желаетъ имѣть высшее полномочіе долженъ обладать высшими способностями; мало того: что онъ по праву, въ опредѣленномъ правовомъ порядкѣ, т. е. съ согласія другихъ, вѣдающихъ это дѣло, долженъ взять на себя и эту высшую обязанность и эту высшую отвѣтственность. Послѣ долгаго политическаго гнета душами людей овладѣваетъ слѣпое влеченіе къ равенству и слѣпое преклоненіе передъ нимъ. Дурная привычка безпрекословно и во всемъ повиноваться и лишь про себя протестовать, превращается въ полное нежеланіе повиноваться; всякій думаетъ, что онъ во всемъ «не глупѣе другихъ» и «тоже можетъ распоряжаться»; мало того: слагается увѣренность, что въ этомъ то и состоитъ сущность демократіи и что все устроится быстро и къ лучшему, если властей будетъ столько, сколько головъ.

Если высшіе не стараются разъяснить низшимъ ошибочность этого убѣжденія, но сами подговариваютъ ихъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, то они становятся демагогами самаго непригляднаго свойства. Изъ страха, или изъ корысти, или отъ политической незрѣлости, они отдаютъ свое дѣло, свое отвѣтственное полномочіе, свое призваніе—въ безотвѣтственныя, неумѣлыя, непризванныя руки и тѣмъ обнаруживаютъ, что сами не понимаютъ сущности демократіи. Ибо демократія не состоитъ въ томъ, что бы правили худшіе, а въ томъ, что бы народъ умѣлъ выбирать лучшихъ и, признавая ихъ правленіе, помогалъ имъ устраивать государственную жизнь къ лучшему. Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что такой демагогъ станетъ худшимъ деспотомъ при возвращеніи стараго строя.

18. Неправильно было бы, далѣе, думать, что провокація есть пріемъ борьбы, свойственный только переодѣтымъ агентамъ стараго строя. Въ общественной жизни люди часто обращаются къ такимъ пріемамъ, которыми они пытаются вызвать со стороны противника вредный для его собственнаго дѣла поступокъ: напримѣръ, въ спорѣ—обнаружить слабую сторону своего воззрѣнія; или на войнѣ—обнажить какую нибудь часть своего фронта; или въ игрѣ и фехтованіи—сдѣлать неловкое движеніе. Въ политикѣ провокація получаетъ порочный характеръ тогда, когда она ищетъ погубить противника коварствомъ или обманомъ.

Такъ, фабриканты могутъ въ подходящій моментъ объявить рабочимъ массовый разсчетъ (локауть для того, чтобы вызвать съ ихъ стороны безпорядки, которые затѣмъ будутъ подавлены вооруженною силою, арестами и высылками. Такъ, вѣнское реакціонное правительство отмѣнило 19 августа 1848 года правительственное пособіе безработнымъ для того, что бы вызвать волненія среди рабочихъ и тѣмъ внести расколъ между рабочими и національною гвардіею. Такимъ образомъ, политическая провокація обычно пускаетъ въ ходъ всѣ тѣ уловки, которыя извѣстны подъ названіемъ военныхъ хитростей: это, естественно дѣлаетъ борющихся—врагами и вводитъ въ жизнь начало гражданской войны. Дѣленіе народа на политическія партіи отходитъ на задній планъ и уступаетъ свое мѣсто дѣленію народа на два или болѣе враждебныхъ лагеря. Враги стараются посредствомъ взаимной провокаціи—не дать другъ другу собрать и организовать свои силы, не дать заключить союзъ, вызвать другъ у друга несогласіе, раздоръ, панику, разложеніе и т. д. Государственная жизнь превращается тогда въ поле брани, политическое единеніе исчезаетъ и гражданская война охватываетъ страну. .....

Борьба на путяхъ взаимной провокаціи оказывается не политическимъ состязаніемъ, а противогосу-

дарственною взаимною враждою сограждан; она расшатываетъ самыя основы государства и готовитъ конецъ политическому обновленію.

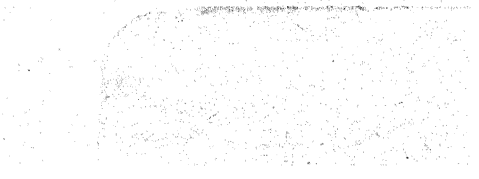
19. Политическая сознательность и организованность постепенно искореняютъ и демагогію, и провокацію.

Демагогія исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ народъ научается знать что ему нужно, чего онъ желаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что возможно и невозможно. Народная воля и народное рѣшеніе не предлагаются уже народу извнѣ, со стороны, но выростаютъ изъ подлинной народной потребности и подлиннаго народнаго пониманія. Политическая программа начинаетъ слагаться въ правильномъ порядкѣ: въ нее входятъ потребности народа, которыя народъ самъ осозналъ и удовлетворенія которыхъ онъ дѣйствительно желаетъ.

Самъ выдвигая свои потребности и слагая свою волю, народъ начинаетъ выдвигать и своихъ вождей, изъ своихъ собственныхъ рядовъ. Руководитель партіи, выдвигаясь изъ народной среды, перестаетъ быть «вожакомъ» и становится истиннымъ вождемъ: онъ самъ выстрадалъ то, о чемъ говоритъ и самъ, подлиннымъ опытомъ, дошелъ до необходимости того, что теперь отстаиваетъ; умудренный своими и народными страданіями, онъ несетъ свои требованія отъ народа и изъ народа. Онъ уже не ведетъ за собою темную толпу: сознательный народъ несетъ его на своей вершинѣ. Онъ уже не боится народа, потому что онъ самъ живой органъ народа. Онъ несетъ свое полномочіе, какъ трудную обязанность и самъ дорожитъ своею отвѣтственностью передъ народомъ. Народъ довѣряетъ ему, какъ самому себѣ, а онъ довѣряетъ народу, какъ своей политической совѣсти. Вождь и народъ оказываются спаянными общею цѣлью, общею дѣятельностью и общею отвѣтственностью: ихъ питаетъ одинаковое сознаніе, ихъ ведетъ одинаковая воля.

Въ среду такихъ вождей уже не можетъ замѣшаться провокаторъ, и призывы его, идущіе со стороны, такому народу не страшны. Организованность народа и духовная связь между нимъ и его вождемъ—исключаютъ возможность случайныхъ вліяній; истинная организація связываетъ своихъ членовъ непоколебимымъ взаимнымъ довѣріемъ и поддерживаетъ въ нихъ сознательное и мужественное спокойствіе. Организованный народъ никому не позволитъ вызвать себя на вредныя рѣшенія и нелѣпые поступки. Онъ увѣренно и спокойно идетъ къ своей цѣли, создавая истинное народное правленіе и свободную, достойную жизнь.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.



СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книж. складъ „НАРОДНОЕ ПРАВО".
Москва, Моховая, 14. Телеф. 1-28-59.